

Братерский М.В.¹, 2021

Политика невоенной безопасности в Большой Евразии: Совпадают ли взгляды ведущих держав?²

Аннотация. Концепция Большой Евразии представляет собой прежде всего сетевую концепцию, предполагающую кратное увеличение числа и качества взаимосвязей на евразийском пространстве. На данном этапе речь не идет об интеграции, но, скорее, о расширении торговли, взаимных инвестиций, культурных связей. Основным препятствием к расширению связей между странами региона является различие во внешнеполитическом целеполагании основных участников и потенциальных партнеров. Не последнюю роль в этих различиях играет несоответствие подходов отдельных стран и объединений к вопросу собственной безопасности.

Данная статья посвящена именно этому вопросу, и в центре внимания находится проблема совместности концептуальных подходов к безопасности нескольких крупных держав Большой Евразии: Китая, России и Европейского союза как единого актора. С учетом специфики вопроса о военно-политической безопасности, а также глубокой эволюции понятия безопасности в последние десятилетия основное внимание

¹ *Братерский Максим Владимирович* – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; профессор Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (bratersky@gmail.com).

² Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-го проекта № 19-014-00038 «Архитектура безопасности в Большой Евразии: Состояние, перспективы и возможности для России».

в анализе уделяется невоенным аспектам безопасности, т.е. экономической, технологической, экологической безопасности и безопасности общества.

Ключевые слова: *Большая Евразия, экономическая безопасность, экологическая безопасность, безопасность общества, кибербезопасность.*

Идея Большой Евразии (Большого Евразийского партнерства) включает в себя множество аспектов – интеграционных, коммуникативных, экономических и политических, но прежде всего ее можно охарактеризовать как сетевую концепцию, предполагающую кратное увеличение числа и качества взаимосвязей на евразийском пространстве. На данном этапе речь не идет об интеграции, но, скорее, о расширении торговли, взаимных инвестиций, культурных связей [Караганов, 2019]. Причины актуализации такого видения будущего континента достаточно полно определил Т. Бордачев: это необходимость выстраивания взаимоотношений между разнообразной, но по-настоящему большой группой достаточно дружелюбно настроенных друг к другу государств; невозможность интеграции континента «сверху»; встраивание Китая в систему международных отношений региона при наличии там других великих держав [Бордачев, 2019]. Основным препятствием для расширения связей между странами региона является «разновекторность внешнеполитического целеполагания основных участников и потенциальных партнеров» [там же.]. С этим выводом можно полностью согласиться. Можно также утверждать, что разновекторность внешнеполитического целеуказания наряду с прочим определяется подходами отдельных стран и объединений к вопросу собственной и региональной безопасности.

Так, различное понимание приоритетов национальной безопасности может как сближать в политическом плане отдельные страны, например, спланировать их перед лицом общего соперника или заставлять ради общей цели идти на компромиссы по двусторонним вопросам, так и разделять, если страны считают друг друга конкурентами в экономической или технологической борьбе.

Данная статья посвящена проблеме совместимости концептуальных подходов к невоенной безопасности нескольких крупных держав Большой Евразии: Китая, России и Европейского сою-

за как единого актора. Нужно пояснить, что в пространственном понимании Большой Евразии (Большого Евразийского партнерства) автор использует широкое определение региона, которое включает не только восток, но и запад этого мегаконтинента [Яковец, Растворцев, 2017]. С учетом глубокой эволюции понятия безопасности в последние десятилетия особое внимание в анализе уделяется невоенным аспектам безопасности, т.е. экономической, технологической, экологической безопасности и безопасности общества.

Сегодняшний день концепции национальной безопасности

В течение последних десятилетий концепция национальной безопасности коренным образом эволюционировала; сегодня она лишь частично напоминает преобладавшие прежде взгляды на безопасность. Если традиционная теория международных отношений (МО) акцентировала внимание на военной безопасности и безопасности государства (в частности, политического режима и институтов) и непреложной истиной было утверждение, что «национальный интерес миролюбивой нации может формулироваться только в терминах национальной безопасности, а национальная безопасность, в свою очередь, – как целостность национальной территории и национальных институтов» [Morgenthau, 1952; Хоменко, Дзюба, 1957], то впоследствии понимание национальной безопасности изменилось. Особенно явно это проявилось после окончания холодной войны и дезинтеграции Советского Союза, хотя уже в 1980-е годы велись дискуссии о том, что «узкое» понимание проблем национальной безопасности более не соответствует реалиям меняющегося мира [Matthews, 1989; Ullman, 1983]. Уже тогда звучали голоса, что у национальной безопасности есть экономическое измерение [Schultze, 1973], но по-настоящему к концепции национальной безопасности стали пересматриваться в конце 1980-х – начале 1990-х годов [Sorensen, 1990; Grizold, 1994].

Что послужило катализатором таких изменений?

Основной причиной начавшихся изменений в понимании проблем национальной безопасности стала глобализация, точнее – ее ускорение в 1990-е годы. Глобализация умножила и укрепила

каналы взаимодействия между государствами, ввела в число участников международной жизни транснациональные корпорации, неправительственные организации и международные институты, сделала страны ближе друг к другу за счет растущей экономической и социальной интеграции и поставила государства в ситуацию взаимозависимости. Взаимозависимость, по определению авторов этого термина [Keohane, Nye, 1989; Keohane, 1990], – это не просто система плотных связей между государствами, а ситуация, когда государства зависят друг от друга, а эффекты зависимости генерируются потоками капитала, людей и информации [Keohane, Nye, 1989, p. 7]. Более того, такого рода зависимость всегда выражается в потерях для зависимой стороны, реальных или потенциальных [Ibid., p. 8].

Создавшаяся «сеть зависимости» уменьшила возможности государств для проведения автономной политики, а потому заставила государства независимо от их политической ориентации искать способы такую зависимость снизить. Государство по своей природе не терпит внешних ограничений, а взаимозависимость такие ограничения налагает.

Интеллектуальным и политическим ответом на сложившуюся ситуацию стала концепция секьюритизации [Buzan, Wæver, de Wilde, 1998], которая, среди прочего, объясняет, каким образом экономические вопросы (такие как торговля и международные финансы) и социальные (такие как безработица) становятся вопросами национальной безопасности. Если страна зависит от импорта энергии, а источники ее импорта недостаточно диверсифицированы, то экспортер энергии получает рычаг воздействия на политику и суверенитет данной страны. Если страна зависит от иностранных кредитов, то угроза их отмены может стать одной из возможностей оказывать на нее политическое давление. Если страна не производит на своей территории критически важные медицинские материалы и медикаменты, то экспортеры этой продукции могут, так сказать, «выкручивать ей руки».

Более того, спустя какое-то время (довольно небольшое по историческим меркам) логика секьюритизации стала применяться ко все более широкому кругу международных явлений и процес-

сов. Толчком к этому послужило постепенное возвращение экономического национализма в политическую философию нескольких ведущих государств (США, Китай, Россия) в конце 2010-х годов. Возникает ситуация, когда страна не может пользоваться собственной валютой во внешней торговле, а вынуждена пользоваться валютой другого государства. Это наносит урон ее политическому суверенитету и экономически укрепляет соперников. Торговый баланс страны отрицателен? В таком случае страна вынуждена наращивать свой внешний долг, что также ослабляет ее суверенитет и может угрожать финансовой дестабилизацией. К пониманию того, что торговля, переток капитала, трансфер технологий, влияние на глобальные медиа и управление мировой логистикой являются не только финансовыми, но и существенными политическими вопросами, добавилось также ощущение соперничества. Конец 2010-х годов в мировой политико-экономической системе стал периодом неприкрытой конкуренции, когда либеральная концепция «win-win» отошла на второй план, а на первый план вышла философия игры с нулевой суммой. Все больше стран стали «откатываться» на классические меркантилистские позиции, когда успех соперника, в том числе экономический, кажется собственным поражением [Viner, 1948]. Такое отношение особенно явно проявилось в сфере внешней торговли, что выразилось в серии торговых войн, развязанных администрацией Д. Трампа, и в области торговли энергией.

К 2020 г. в мире окончательно сложились конфликтные тенденции в глобальной конкуренции крупных держав, разворачивающейся не только в военно-политической, но и в экономической и технологической областях. Некоторые эксперты характеризуют такое положение дел как «новую» холодную войну [Ferguson, 2020; Сумский, 2020], контекст которой сформировался под влиянием относительного снижения мощи Соединенных Штатов и возрастания экономической, политической и технологической мощи «растущих держав» [Krickovic, 2015], прежде всего – Китая, Индии, России, Турции. Стало меняться статус-кво, при котором Соединенные Штаты выступали в роли мирового гегемона.

Данный процесс развивается крайне болезненно и отображается как в ускоряющейся гонке вооружений в новых областях (системы ПРО, гиперзвуковое оружие), так и в соперничестве за будущее технологическое и экономическое превосходство, за способность сформировать вектор перспективного мирового развития на основе собственных технологий и патентов, собственных логистических цепочек, собственной валюты и институтов, находящихся под своим собственным контролем. Разрушаются договоры по контролю над вооружениями, развязываются торговые и технологические войны. Ведется беспрецедентная борьба в массмедиа и Интернете, широко используется самая неприглядная пропаганда, повсеместно задействованы инструменты создания «постправды» [The post-truth., 2016]. Пандемия COVID-19 ускорила эти процессы, поскольку дала в руки правительствам инструменты по закрытию границ, пресечению технологической миграции и вмешательству в естественные торговые потоки. Для победы в «новой» холодной войне формируются новые глобальные коалиции. Против России такая коалиция была сформирована в 2011–2012 гг., против Китая формируется сейчас [Borger, 2020].

В основе разворачивающихся процессов лежит новое понимание проблемы безопасности. Сегодня крупные государства сражаются за свое будущее в глобальном контексте: одни (Соединенные Штаты) борются за сохранение своего лидерства и, следовательно, доходов, высокого уровня жизни, внутренней стабильности, военной безопасности, возможности конфигурировать в своих интересах мировые процессы; другие борются за расширение своих возможностей с тем же набором потенциальных выигрышей, что требует ограничения или ликвидации гегемонии США. Американский век уходит, но при этом яростно сопротивляется, подобно тому как происходило в истории уже множество раз [Kennedy, 1987].

Фронтные линии этой борьбы пока подвижны и еще окончательно не сформировались. Не исключено, что и в будущем на политической карте мира не будет четких обозначений, кто «за» американоцентричный мир, а кто «против»: ФРГ, например, уже сегодня поддерживает американские санкции против России, но

пытается противостоять американскому давлению по поводу «Северного потока-2». Вероятно, и в дальнейшем правительства конкретных стран будут принимать ситуационные решения. Тем не менее некие контуры противостоящих «лагерей» в мире уже обозначились.

Десять лет назад можно было говорить о БРИКС как о некоем противовесе Атлантическому сообществу, сформированному вокруг США, или как об альтернативе, пусть несплоченной и объединенной почти исключительно финансовыми интересами. Сегодня можно говорить о новом ракурсе усиливающейся поляризации: разделении на Атлантическое и Евразийское сообщества. При этом если Атлантическое сообщество достаточно четко структурировано, то Евразийское – пока нет. Их разделяет многое: ценности, институты, видение будущего. В то же время и в Атлантическом сообществе наметились трещины прежде всего между «старой» Европой и Соединенными Штатами, а поскольку Евразийское сообщество только нащупывает свой будущий облик, оно может, в принципе, развиваться при каком-то участии Европы, прежде всего – «старой» Европы.

Не единственным, но важным фактором формирования будущего Евразийского сообщества является видение его потенциальными членами проблем собственной безопасности, причем не только военно-политической, но и невоенной (см.: [Боришполец, Лебедева, Худайкулова, 2012]). И если в области военно-политической безопасности позиции России и Китая, с одной стороны, и НАТО как военно-политического «интерфейса» Европы, с другой стороны, по-прежнему очень далеки друг от друга, в других областях потенциал для развития взаимопонимания гораздо выше.

В этой связи будет полезно представить, насколько близки (или насколько различны) позиции основных акторов Евразийского пространства – Китая, России и Европейского союза – по таким вопросам, как экономическая безопасность, экологическая безопасность, кибербезопасность и прочие существенные элементы невоенной безопасности.

Китайское видение вопросов невоенной безопасности

В январе 2015 г. Политбюро Коммунистической партии Китая приняло Основные положения Национальной стратегии безопасности. В фокусе китайского подхода к проблемам безопасности ожидаемо находятся политические вопросы – политика сохранения суверенитета, территориальной целостности, развития благосостояния китайского общества. Характерно, что одной из важнейших угроз национальной безопасности руководство КПК считает коррупцию. Борьба с коррупцией была усилена после XVIII съезда КПК (2012), и председатель КНР Си Цзиньпин уделяет этому направлению партийной политики большое внимание. С точки зрения руководства партии, коррупция является главной угрозой для единства страны и сохранения в Китае действующей политической модели. В рамках этой политики Китай считает необходимым поддерживать высокий уровень внутренней сплоченности и контроля, не давая «внешним» силам шанса подорвать страну изнутри [Lampton, 2015].

Другой важной составляющей китайского видения проблем безопасности является экономическая безопасность и в целом экономическое развитие страны. Руководство КПК полагает, что глобальный контекст, во многом определяющий направление экономического развития Китая, сейчас претерпевает существенные изменения. В этих условиях Китаю следует оперативно реагировать на изменения, продолжать реформы, укреплять механизмы долгосрочного роста, оптимизировать структуру промышленности, снижать разницу в доходах городского и сельского населения, наращивать потенциал научного и технологического развития. Китай выступает за открытые рынки и свободную торговлю, настаивает на укреплении механизмов глобального экономического управления [Xi Jinping, 2017].

После XIX съезда КПК (2017) руководство КНР сформулировало комплексную концепцию безопасности, где нашлось место не только политическим и экономическим, но и другим аспектам безопасности. По словам Си Цзиньпина, «необходимо на основе единого планирования учитывать ситуацию в целом: внешнюю и внутреннюю безопасность, территориальную безопасность и без-

опасность граждан, традиционные и нетрадиционные проблемы безопасности, собственную и всеобщую безопасность» [Си Цзиньпин, 2017]. В феврале 2017 г., выступая на семинаре по национальной безопасности в Пекине, председатель КНР призвал рассматривать проблемы безопасности системно, не отделяя друг от друга политические и экономические, территориальные и социальные вопросы, а также вопросы кибербезопасности и информационной инфраструктуры [Xi calls., 2017]. Важными аспектами обеспечения национальной безопасности Китай также считает развитие технологий, практику создания новых материалов, оборудования, поддержку талантов и укрепление законности [Ibid.].

В рамках экономической политики Китая намерен продолжать работу по укреплению своей финансовой безопасности. В этой связи он собирается активно участвовать в выработке международных правил регулирования финансовых потоков и инвестиций, настаивать на реформировании международной финансовой системы и укреплять свою устойчивость в отношении финансовых кризисов, финансовых атак и шантажа. Он также намерен помогать другим странам в создании механизмов купирования финансовых кризисов [He, 2016].

Помимо прочего, необходимо выделить еще два невоенных аспекта китайской политики безопасности – политику в области культуры и в сфере информационной безопасности.

В области культуры руководство Китая настаивает на сохранении традиционной культуры страны вкупе с социалистическими ценностями, настроено развивать «мягкую» силу КНР. При этом ставится амбициозная задача – ускорить создание системы ценностей, которые будут отражать особенности китайского народа и работать на укрепление единства китайской нации.

В области информационной безопасности руководство КПК намерено сохранить ведущую позицию государства в управлении Интернетом, особенно – социальными сетями и мессенджерами, поскольку считает, что отсутствие государственного контроля в данной сфере дает антикитайским силам возможность внести раскол в китайское общество и подорвать политическую стабильность в стране.

Таким образом, главное место в китайской политике невоенной безопасности занимают борьба с коррупцией, борьба за экономическое развитие (в первую очередь – инновационное), финансовую безопасность, а также борьба за умы своих граждан.

Европейские подходы к вопросам невоенной безопасности

В 2018 г. одновременно вышли несколько публикаций, посвященных тому, как европейцы оценивают основные угрозы для Европы. В исследовании Европейского совета по международным отношениям [Dennison, Franke, Zerka, 2018] приводится следующий список: кибератаки, коллапс государств или гражданская война на границах Европы, внешнее вмешательство во внутреннюю политику европейских стран, неконтролируемая миграция в европейские страны, общий развал мирового порядка.

При этом если вопросами обеспечения международной стабильности призваны заниматься НАТО и дипломатия ЕС, то разработкой мер по противодействию невоенным внутренним угрозам занимаются сами европейские государства. На первое место в политическом словаре европейцев в последнее время вышел термин «устойчивость» (resilience), вписанный в Глобальную стратегию Европейского союза (The European Union Global Strategy, EUGS), и во внутренних делах Европа выстраивает свою политику безопасности по такому же принципу. Европейский союз нацелен не столько на какие-то принципиально новые стратегии и инициативы, сколько на укрепление того, что уже есть, – своих политических институтов и экономики.

Бюджет ЕС, принятый в 2020 г. для восстановления европейской экономики после пандемии коронавируса, позволяет понять, на каких именно направлениях Европа планирует сконцентрировать свои усилия. Президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен назвала следующие задачи: продвигать «зеленый курс»; способствовать улучшению экологической обстановки; внедрять цифровизацию (что должно способствовать экономическому росту и увеличению занятости), а также укреплять устойчивость европейских обществ [Europe's moment., 2020].

На первом месте в списке основных «европейских страхов» находятся кибератаки на физическую и финансовую инфраструктуру, а также действия, угрожающие политическому суверенитету, в том числе совершенные с использованием IT и электронных медиа. С целью противодействия этим угрозам была принята Стратегия кибербезопасности, в которую вошли Закон о кибербезопасности (2017) и ряд других документов; кроме того, были расширены полномочия Европейского агентства по кибербезопасности (The European Union Agency for Cybersecurity, ENISA).

Таким образом, основными целями европейской политики безопасности являются, во-первых, укрепление безопасности инфраструктуры (физической и политической) и киберуслуг, а во-вторых, ускорение экономического роста.

Еще один приоритет европейской политики безопасности – борьба с изменением климата и защита окружающей среды. В 2019 г. Европейская комиссия приняла амбициозную программу «Зеленый курс» (Green Deal), в которой были поставлены три стратегические цели: полностью избавиться от эмиссии парниковых газов к 2050 г.; добиться экономического роста без увеличения использования ресурсов; не оставить ни одного человека и ни одну территорию не затронутыми экологической политикой [A European Green..., 2019].

На важном (хотя и не на центральном) месте в списке потенциальных невоенных угроз для Европы находится экономическая безопасность. Европейцы боятся снижения уровня жизни, потери глобальной конкурентоспособности, отставания в технологической гонке и того, что может за этим последовать. Наиболее полные списки «угроз» включают в себя также коррупцию, бюрократизацию, организованную преступность, ослабление политического руководства, «закат» предпринимательской культуры, размывание фундаментальных европейских ценностей, неравномерность развития экономик европейских стран, рост популизма и усиление миграции [Ignatov, 2019]. В последнее время в качестве одной из проблем стала рассматриваться экономическая экспансия Китая в Европу, однако пока она не воспринимается как опасная угроза.

Соответственно, Европа разрабатывает и проводит в жизнь целый комплекс мер по обеспечению невоенной безопасности. Европейцы уделяют внимание таким вопросам, как энергозависимость, защита стратегической инфраструктуры, обеспечение доступа к сырью и материалам, свобода судоходства и воздухоплавания, защита окружающей среды и борьба с изменением климата, миграция, слабости европейской финансовой системы, влияние Брекзита на будущее Евросоюза и другим вопросам [EU economic., 2018]. В центре внимания европейцев находятся прежде всего кибербезопасность, экологическая безопасность и вопросы экономической безопасности. При этом вопросы экономического и технологического роста сейчас не рассматриваются как экзистенциальная угроза.

Российское видение вопросов невоенной безопасности

В концентрированном виде приоритеты национального развития РФ, а значит, и политики невоенной безопасности, представлены в документе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Указ., 2020]. В качестве приоритетов в нем перечислены следующие направления политики: демография, образовательная политика и выявление талантов, экологическое оздоровление, ускорение экономического роста и диверсификация экономики, цифровизация. О вхождении в число крупнейших экономик мира, как было обозначено в «Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года» (2019) [Единый план., 2019], речь уже не идет.

Соответствующим образом были скорректированы или будут корректироваться базовые документы Совета Безопасности РФ: Экологическая доктрина Российской Федерации; Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу; Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации; Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года; Климатическая доктрина Российской Федерации; Энергетическая стратегия России на период до 2030 года; Транспортная стратегия Рос-

сийской Федерации на период до 2030 года; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

Может показаться, что Россия гораздо сильнее, чем другие державы Евразии, озабочена проблемами невоенной безопасности, но это не так. Похожие документы есть, например, у Европейской комиссии; пожалуй, лишь политика продовольственной безопасности выделяет Россию из ряда других держав континента.

Основными угрозами невоенной безопасности современная Россия считает прежде всего демографические проблемы, отставание в научно-техническом и технологическом прогрессе, включая IT, слабый экономический рост и зависимость экономики от экспорта сырья и энергоносителей. Приоритетными направлениями являются также улучшение экологической ситуации, транспортной инфраструктуры и развитие Арктики.

Некоторые угрозы безопасности России могут рассматриваться как уникальные – ни в Европе, ни в Китае вопросы моноэкспортной экономики или проблемы, связанные с сокращением населения, не стоят на повестке дня. В то же время некоторые приоритеты, характерные для России, отсутствуют у ее евразийских партнеров: например, у них нет своей арктической зоны, и они никогда не попадали в зависимость от продовольственного импорта и подходят к развитию сельского хозяйства с иных позиций. Также следует отметить, что, хотя задача ускорения экономического роста «кочует» из одного российского документа в другой уже многие годы, ощущения, что РФ видит эту проблему как краеугольную, до сих пор нет.

Представленный выше общий обзор невоенной политики безопасности трех основных держав Евразии не претендует ни на полноту, ни на детальность. Так как политика безопасности определяет национальные приоритеты, то глубокое исследование данного вопроса потребовало бы анализа всего комплекса политики трех держав, что вряд ли возможно, особенно в рамках статьи. Тем не менее даже поверхностный анализ позволяет сформулировать некоторые выводы.

Европейский союз, Россия и Китай по-разному видят проблему экономической безопасности, и, соответственно, в их политике она имеет различный приоритет. Если для Китая экономическая безопасность является краеугольным камнем политики, то для России и ЕС – это лишь один из аспектов невоенной безопасности. Проблему кибербезопасности ведущие державы континента также рассматривают по-разному. В Китае на первом плане – информационная безопасность, ЕС и Россия больше обеспокоены вопросами защиты инфраструктуры. Еще больше разнится политика трех держав в отношении экологии и изменения климата. Для ЕС это главный приоритет, вся остальная политика строится вокруг него. Китай и Россия также предпринимают шаги в направлении улучшения экологической ситуации, но рассматривают эту задачу лишь как одну из ряда многих других.

Существуют области политики безопасности, специфичные для отдельных акторов. Россия выделяет в качестве особо важных приоритетов развитие Арктики, образование, продовольственную безопасность и цифровизацию. При этом у ЕС и Китая также есть приоритеты в области цифровизации и образования, однако они рассматриваются скорее как необходимые составные части в общем развитии экономики, а не как проблемы безопасности. Продовольственная безопасность является специфически российским приоритетом, а вопрос о развитии Арктики – географически и исторически уникально российским. Особенностью китайского подхода к невоенной безопасности является борьба с коррупцией, в то время как в России и ЕС борьба с коррупцией – лишь часть повседневной внутренней политики. ЕС, в отличие от Китая и России, делает основной акцент на экологической безопасности.

Насколько совместимы российское, китайское и европейское видение проблем «мягкой» безопасности, существуют ли области, где эти державы могут найти общий язык?

Судя по всему, наиболее перспективной сферой взаимодействия является экономическое развитие, хотя позиция ЕС по многим экономическим вопросам в ближайшем будущем станет все в большей степени определяться экологическими приоритетами, что не всегда будет устраивать Россию и Китай. При этом ЕС и

Россия пока не рассматривают экономическую и технологическую экспансию Китая как серьезную проблему и, в общем-то, пока вполне готовы мириться с ней.

Сферой наибольших противоречий среди проблем безопасности для трех держав является экология. Разумеется, на уровне деклараций и даже на уровне практической политики в этой области все три стороны согласны между собой, но в реальности вопросы экологии и изменения климата, вероятно, станут в Евразии новой «разделительной линией». Европа будет все менее настроена на сотрудничество с экологически и климатически «грязными» партнерами.

И наконец, традиционным камнем преткновения в позициях трех держав при выработке общих подходов к «мягкой» безопасности является кибербезопасность. В этом вопросе между тремя центрами Евразии единства нет, каждый видит проблему по-своему, и компромисс, способный гармонизировать их подходы, пока не найден.

Литература

Бордачев Т.В. Большая Евразия: Что еще не сделано? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – М., 2019. – 30.12. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshcheye-ne-sdelano/> (Дата обращения – 16.08.2020).

Боришполец К.П., Лебедева М.М., Худайкулова А.В. Невоенные аспекты международной безопасности // Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 537–565.

Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года // Правительство России. – М., 2019. – 27 с. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/j8IV1FkssLpUqI89JXCXZ2mLilEln7H8.pdf> (Дата обращения – 16.08.2020).

Караганов С.А. Россия в Большой Евразии // Россия в глобальной политике. – М., 2019. – 29.07. – Режим доступа: <https://www.globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii/> (Дата обращения – 16.08.2020).

Си Цзиньпин. Полный текст доклада на 19-м съезде КПК. – Пекин, 2017. – 03.11. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (Дата обращения – 16.08.2020).

Сумский В. Новая «холодная война»: Эксперты оценили перспективу военного конфликта США и Китая // Московский комсомолец. – М., 2020. – 16.06. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2020/06/16/novaya-kholodnaya-voyna-eksperty-ocenili-perspektivu-voennogo-konflikta-ss-ha-i-kitaya.html> (Дата обращения – 16.08.2020).

Указ о национальных целях развития России до 2030 года // Президент России. – М., 2020. – 21.07. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (Дата обращения – 16.08.2020).

Хоменко Е.А., Дзюба Я.С. Марксизм-ленинизм о войне и армии. – М: Воениздат, 1957. – 286 с.

Яковец А.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: Стратегия партнерства цивилизаций и объединений. – М., 2017. – 64 с. – Режим доступа: http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2017/RastvorcevYakovec2017Bolshaja_Evrazija.pdf (Дата обращения – 16.08.2020).

A European Green Deal: Striving to be the first climate-neutral continent / European Commission. – Brussels, 2019. – Mode of access: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (Date of access – 16.08.2020).

Borger J. US push for global alliance against China hampered by years of «America first» // The Guardian. – L., 2020. – 24.07. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/24/us-china-mike-pompeo-america-first> (Date of access – 16.08.2020).

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A new framework for analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 240 p.

Dennison S., Franke U., Zerka P. The nightmare of the dark: The security fears that keep Europeans awake at night / ECFR. – L., 2018. – Mode of access: https://www.ecfr.eu/specials/scorecard/the_nightmare_of_the_dark_the_security_fears_that_keep_europeans_aware_at_n (Date of access – 16.08.2020).

EU economic security: Abstract / Brussels Diplomatic Academy. – Brussels, 2018. – 3 p. – Mode of access: <http://brusselsdiplomaticacademy.eu/wp-content/uploads/2018/10/EU-economic-security.pdf> (Date of access – 16.08.2020).

Europe's moment: Repair and prepare for the next generation / European Commission. – Brussels, 2020. – 27.05. – Mode of access: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_940 (Date of access – 16.08.2020).

Ferguson N. We are in Cold War II: Interview // The Japan Times. – Tokyo, 2020. – 14.02. – Mode of access: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/02/14/commentary/world-commentary/historian-niall-ferguson-cold-war-ii/> (Date of access – 16.08.2020).

Grizold A. The concept of national security in the contemporary world // International j. on world peace. – St Paul, MN, 1994. – Vol. 11, Issue 3. – P. 37–53.

He D. Financial security in China: Situation analysis and system design. – Singapore: Springer, 2016. – 224 p.

Ignatov A. Analysis of the dynamics of the European economic security in the conditions of a changing socio-economic environment // A Mediterranean j. of economics, agriculture and environment. – Bononia: Bononia univ. press, 2019. – Vol. 18, Issue 2. – P. 15–56. – Mode of access: <https://newmedit.iamb.it/2019/06/15/analysis-of-the-dynamics-of-the-european-economic-security-in-the-conditions-of-a-changing-socio-economic-environment/> (Date of access – 16.08.2020).

Kennedy P. The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. – N.Y.: Random House, 1987. – 704 p.

Keohane R.O. International liberalism reconsidered // The economic limits to modern politics / J. Dunn (Ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – P. 165–194.

Keohane R.O., Nye J.S. Power and interdependence. – N.Y.: Longman, 1989. – 316 p.

Krickovic A. All politics is regional: Emerging powers and the regionalization of global governance // Global governance: A review of multilateralism and international organizations. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2015. – Vol. 21, Issue 4. – P. 557–577.

Lampton D. Xi Jinping and the national security commission: Policy coordination and political power // J. of contemporary China. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2015. – Vol. 24, Issue 95. – P. 759–777.

Matthews J.T. Redefining security // Foreign affairs. – N.Y., 1989. – Vol. 68, Issue 2. – P. 162–177.

Morgenthau H.J. Another «Great Debate»: The national interest of the United States // American political science review. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1952. – Vol. 46, Issue 4. – P. 961–988.

Schultze C.L. The economic content of national security policy // Foreign affairs. – N.Y., 1973. – Vol. 51, Issue 3. – P. 522–540.

Sorensen T.C. Rethinking national security // Foreign affairs. – N.Y., 1990. – Vol. 69, Issue 3. – P. 1–18.

The post-truth world: Yes, I'd lie to you // The Economist. – L., 2016. – 10.09. – Mode of access: <https://www.economist.com/briefing/2016/09/10/yes-id-lie-to-you> (Date of access – 16.08.2020).

Ullman R.H. Redefining security // International security. – Cambridge, MA: MIT press, 1983. – Vol. 8, Issue 1. – P. 129–153.

Viner J. Power versus plenty as objectives of foreign policy in the seventeenth and eighteenth centuries // World politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1948. – Vol. 1, Issue 1. – P. 1–29.

Xi calls for overall national security outlook // Xinhua. – Beijing, 2017. – 17.02. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2017-02/17/c_136065190.htm (Date of access – 16.08.2020).

Xi Jinping. Keynote at the World Economic Forum. – Davos, 2017. – 17.01. – Mode of access: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (Date of access – 16.08.2020).

DOI: 10.31249/ape/2021.01.03

Bratersky M.V.¹, 2021

Non-Military security policy in Greater Eurasia: Do the leading powers concur?²

Abstract. *The concept of Greater Eurasia is substantially a network concept inviting the multiplication of the number and quality of nodes in Eurasian space. Presently it does not imply integration but proposes the growth of trade, investment, and cultural ties. The main impediment to the expansion of interlinks between the countries of the continent are differences in the approaches to security matters including soft security.*

This article focuses on security, and it will concentrate on the compatibility of soft security stances by most important Eurasian actors: China, Russia, and the European Union. Since military-political security is a particular and separate field, and because of the evolution of security concepts in recent years, the article will focus on non-military security, specifically on economic, technological, ecological, and societal security.

¹ **Bratersky Maksim Vladimirovich** – Sc.D. in Political Sciences, Leading Researcher, Head of Sector, Department of Europe and America, INION RAS; Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University «Higher School of Economics» (bratersky@gmail.com).

² *The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project N 19-014-00038 «Security architecture in Greater Eurasia: State, prospects and opportunities for Russia».*

Keywords: Greater Eurasia, economic security, ecological security, societal security, cybersecurity.

References

A European Green Deal: Striving to be the first climate-neutral continent. (2019) / European Commission. – Brussels. – Mode of access: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (Date of access – 16.08.2020).

Bordachev T.V. (2019). Greater Eurasia: What's not done yet? [*Bol'shaya Evraziya: Chto eshche ne sdelano?*] // Valdai discussion club. – Moscow. – 30.12. – Mode of access: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshcheye-ne-sdelano/> (Date of access – 16.08.2020).

Borger J. (2020). US push for global alliance against China hampered by years of «America first» // The Guardian. – London. – 24.07. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/24/us-china-mike-pompeo-america-first> (Date of access – 16.08.2020).

Borishpolets K.P., Lebedeva M.M., Khudaikulova A.V. (2012). Non-military aspects of international security [*Nevoennyye aspekty mezhdunarodnoi bezopasnosti*] // Contemporary international relations [*Sovremennyye mezhdunarodnye otnosheniya*] / A.V. Torkunov, A.V. Mal'gin (Eds.). – Moscow: Aspekt Press. – P. 537–565.

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. (1998). Security: A new framework for analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. – 240 p.

Decree on the national development goals of Russia until 2030 [*Ukaz o natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossii do 2030 goda*]. (2020) // President of Russia. – Moscow. – 21.07. – Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (Date of access – 16.08.2020).

Dennison S., Franke U., Zerka P. (2018). The nightmare of the dark: The security fears that keep Europeans awake at night / ECFR. – London. – Mode of access: https://www.ecfr.eu/specials/scorecard/the_nightmare_of_the_dark_the_security_fears_that_keep_europeans_aware_at_n (Date of access – 16.08.2020).

EU economic security: Abstract / Brussels Diplomatic Academy. – Brussels, 2018. – 3 p. – Mode of access: <http://brusselsdiplomaticacademy.eu/wp-content/uploads/2018/10/EU-economic-security.pdf> (Date of access – 16.08.2020).

Europe's moment: Repair and prepare for the next generation. (2020) / European Commission. – Brussels. – 27.05. – Mode of access: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_940 (Date of access – 16.08.2020).

Ferguson N. (2020). We are in Cold War II: Interview // The Japan Times. – Tokyo. – 14.02. – Mode of access: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/02/14/commentary/world-commentary/historian-niall-ferguson-cold-war-ii/> (Date of access – 16.08.2020).

Grizold A. (1994). The concept of national security in the contemporary world // International j. on world peace. – St Paul, MN. – Vol. 11, Issue 3. – P. 37–53.

He D. (2016). Financial security in China: Situation analysis and system design. – Singapore: Springer. – 224 p.

Ignatov A. (2019). Analysis of the dynamics of the European economic security in the conditions of a changing socio-economic environment // A Mediterranean j. of economics, agriculture and environment. – Bononia: Bononia univ. press. – Vol. 18, Issue 2. – P. 15–56. – Mode of access: <https://newmedit.iamb.it/2019/06/15/analysis-of-the-dynamics-of-the-european-economic-security-in-the-conditions-of-a-changing-socio-economic-environment/> (Date of access – 16.08.2020).

Karaganov S.A. (2019). Russia in Greater Eurasia [*Rossiya v Bol'shoi Evrazii*] // Russia in global affairs. – Moscow. – 29.07. – Mode of access: <https://www.globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii/> (Date of access – 16.08.2020).

Kennedy P. (1987). The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. – New York: Random House. – 704 p.

Keohane R.O. (1990). International liberalism reconsidered // The economic limits to modern politics / J. Dunn (Ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press. – P. 165–194.

Keohane R.O., Nye J.S. (1989). Power and interdependence. – New York: Longman. – 316 p.

Khomenko E.A., Dzyuba Ya.S. (1957). Marxism-Leninism about war and army [*Marksizm-leninizm o voine i armii*]. – Moscow: Voenizdat. – 286 p.

Krickovic A. (2015). All politics is regional: Emerging powers and the regionalization of global governance // Global governance: A review of multilateralism and international organizations. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. – Vol. 21, Issue 4. – P. 557–577.

Lampton D. (2015). Xi Jinping and the national security commission: Policy coordination and political power // J. of contemporary China. – Abingdon-on-Thames: Routledge. – Vol. 24, Issue 95. – P. 759–777.

Matthews J.T. (1989). Redefining security // Foreign affairs. – New York. – Vol. 68, Issue 2. – P. 162–177.

Morgenthau H.J. (1952). Another «Great Debate»: The national interest of the United States // American political science review. – Cambridge: Cambridge univ. press. – Vol. 46, Issue 4. – P. 961–988.

Schultze C.L. (1973). The economic content of national security policy // Foreign affairs. – New York. – Vol. 51, Issue 3. – P. 522–540.

Sorensen T.C. (1990). Rethinking national security // Foreign affairs. – New York. – Vol. 69, Issue 3. – P. 1–18.

Sumskii V. (2020). New Cold War: Experts assess the prospect of the US–China military conflict [*Novaya «kholodnaya voyna»: Eksperty otsenili perspektivu voennogo konflikta SShA i Kitaya*] // Moskovskii komsomolets. – Moscow. – 16.06. – Mode of access: <https://www.mk.ru/politics/2020/06/16/novaya-kholodnaya-voyna-eksperty-ocenili-perspektivu-voennogo-konflikta-ssha-i-kitaya.html> (Date of access – 16.08.2020).

The post-truth world: Yes, I'd lie to you. (2016) // The Economist. – London. – 10.09. – Mode of access: <https://www.economist.com/briefing/2016/09/10/yes-id-lie-to-you> (Date of access – 16.08.2020).

Ullman R.H. (1983). Redefining security // International security. – Cambridge, MA: MIT press. – Vol. 8, Issue 1. – P. 129–153.

Unified plan to achieve the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 [*Edinyi plan po dostizheniyu natsional'nykh tselei razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda*]. (2019) // Government of Russia. – Moscow. – 27 p. – Mode of access: <http://static.government.ru/media/files/j8IV1FkssLpUqI89JCXZ2mLiliLen7H8.pdf> (Date of access – 16.08.2020).

Viner J. (1948). Power versus plenty as objectives of foreign policy in the seventeenth and eighteenth centuries // World politics. – Cambridge: Cambridge univ. press. – Vol. 1, Issue 1. – P. 1–29.

Xi calls for overall national security outlook. (2017) // Xinhua. – Beijing. – 17.02. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2017-02/17/c_136065190.htm (Date of access – 16.08.2020).

Xi Jinping. (2017). Full text of the report at the 19 th CPC Congress [*Polnyi tekst doklada na 19-m s'ezde KPK*]. – Beijing. – 03.11. – Mode of access: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (Date of access – 16.08.2020).

Xi Jinping. (2017). Keynote at the World Economic Forum. – Davos. – 17.01. – Mode of access: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (Date of access – 16.08.2020).

Yakovets A.V., Rastvortsev E.E. (2017). Greater Eurasia: A strategy for partnership of civilizations and associations [*Bol'shaya Evraziya: Strategiya partnerstva tsivilizatsii i ob'edinenii*]. – Moscow. – 64 p. – Mode of access: http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2017/RastvorcevYakovec2017Bolshaja_Evraziya.pdf (Date of access – 16.08.2020).